

«ВЫ НАМ НУЖНЫ...»

ИЗВЕСТНЫМ актерам пишут часто. Зрители задают вопросы, критикуют, восхищаются. Иногда подобные письма содержат вопросы о личной жизни или просьбы об автографах. Н. К. Симонову писали по-другому. Нет в письмах к нему (а в фондах Театрального музея их хранится несколько сотен) ни праздного любопытства, ни пустой болтовни. Симонову исповедовались, рассказывали о тех чувствах и мыслях, которые вызывали сыгранные им роли.

«Когда я увидел Вашу игру, буквально был потрясен. Я не мог себе представить, как Вы после такого спектакля могли выйти из театра и просто включиться в обычную городскую жизнь. Сколько я потом ни ходил по улицам Ленинграда, музеям, но образ Федя затмил все другие впечатления...». Это строки из письма подполковника А. И. Гусева, жителя Минска, который приехал на несколько дней в наш город и попал в Театр имени А. С. Пушкина на спектакль «Живой труп» с участием Симонова.

Эмоциональное потрясение... Вот основное чувство, двигавшее корреспондентами Симонова. Ему писали со всех концов страны. Писали разные люди — профессор-медик, ленинградец, пенсионерка из Кизляра, рабочие автомобильного завода в Тольятти, артист Пражского Национального театра, целое пионерское звено, раненые бойцы, перед которыми он в годы войны выступал в госпитале в Новосибирске. Иногда без подписи. Или — «Ваши москвичи», «калужанцы», «киевляне».

Авторы писем сумели найти точные, проникновенные слова. Письма скорее похожи на вдохновенные статьи об актерском искусстве. «Как Вы любите своего Федю! С какой теплотой и силой вы осветили его чистые стороны. Он весь — это сердце, которое бьется у Вас на ладони... И это — после Петра! А руки добрые, нерешительные, какой-то и формы другой, откуда они после Петровых рук?» Это в письме из Батуми, от группы зрителей.

Но его любили не только как актера. Вот маленькое письмо от старого плотника, который когда-то работал в Театре имени А. С. Пушкина и чинил мебель в квартире Симоновых. Своему любимому актеру пишет он с большим уважением простого русского человека перед своим талантливым современником. Просит приехать в гости. Просто так, отдохнуть... Ведь в Ленинграде шум и суета, а здесь, в его домике в Пушкине, тихо. И никто не будет мешать «тебе, Николай Константинович».

На маленьком клочке бумаги, который был послан, видимо, сразу после спектакля за кулисы, всего несколько слов: «Самому лучшему из Петров, Федоров, Маттиа-

сов, странников и особенно Николаев. Берегите себя! Вы нам так нужны!».

Это почти в каждом письме — пожелание здоровья и слова — «Вы нам нужны!».

«В четверг 19 ноября смотрел «Моцарта и Сальери». После всю ночь не спал... В 6 утра пошел на работу, думал, буду разбитый, так нет же, какой-то особый подъем. О Вас ходят легенды при жизни, но самая прекрасная — Ваше искусство. Валерий Федоров, токарь, 29 лет».

Ему посвящали стихи, пытались, пусть неумело, набросать его портрет. Своим искусством он, видимо, даже у тех, кто в повседневной жизни был далек от художественного творчества, пробуждал желание творить.

ПЛОЩАДЬ ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ ОСТРОВСКОГО, 6

«После театра или кино выходишь совсем другим человеком, словно тебя подменили, даже года убавляются, ощущаешь какую-то бодрость, легкость, сильный прилив энергии. Вы нам помогаете жить, наш замечательный актер и человек».

Да, Николай Константинович Симонов помогал людям жить. Оттого и остался его «чезримый» прочный след в чужой душе на много лет, о котором писал когда-то поэт.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

На большом листе бумаги витиеватым почерком канцеляриста выведено: «Его сиятельству г-ну министру императорского двора. Докладная записка директора императорских театров И. А. Всеволожского». И дата — 12 марта 1882 года.

В Театральный музей этот документ попал из семейного архива последнего директора императорских театров В. А. Теляковского. Документ малоизвестен и нигде не публиковался. О чем же идет речь в записке?

«В настоящее время императорские театры переживают серьезный реформационный период, опоздавший для них на целую четверть столетия, если не более. Долго ждавшая реформы сцена упала, таланты измельчали, репертуар обеднел, а спрос на театр в публике вырос до ажиотажа».

Всеволожский рассуждает и о значении театра. По его мнению, «театр представляет постоянную

точку соприкосновения... царской щедрости с эстетическим вкусом подданных». В то же время он должен быть «учреждением хозяйственным, в котором расходование экономно, а щедрость — производительна».

А как же было на деле? «Положение вещей таково: вся материальная часть театральной дирекции находится в самом печальном состоянии... Материалы приобретались втридорога... Декорации хранятся в бывших конюшнях Петербургского почтового двора или громоздятся места за кулисами... в качестве лучших растопок, на случай пожара».

Гардероб занимает места уборных в театрах, вследствие чего актерам приходится тесниться при 25 градусах тепла по три челове-

ка на квадратной сажени, а статистов Александринского театра буквально одевают на лестнице актерского подъезда. Мастерские помещены в зданиях вовсе для них непригодных: в небольшой комнатке в 25 квадратных сажень сидят иногда по 40 человек портных при 20 газовых рожках, около раскаленной печки для утюгов... Казармы для рабочих и сторожей в правильно устроенном виде вовсе не существуют, а помещения сторожей и плотников московских театров и Малого театра в Петербурге в сырых вонючих подвалах, никаких других удобств, кроме тифа и дифтерита, жильцам своим не предоставляют».

Так соприкасалась «царская щедрость с эстетическим вкусом подданных». В докладной записке Всеволожский, естественно, не мог да, видимо, и не хотел перечислять все негативные стороны существования императорских театров. Но и так картина, нарисованная им, довольно впечатляющая. В конце записки Всеволожский указывает на конкретные меры, которые, как ему кажется, исправят положение, просит выделить из государственной казны средства для осуществления этих мер.

В верхнем левом углу записки рукой Александра III сделана карандашом запись-резюмирующая: «Вот к чему привела знаменитая кистеровская экономия! Нечего делать, надо непременно привести все исподволь в должный и приличный вид».

Предложения Всеволожского таким образом были одобрены. А о какой же «кистеровской экономии» идет речь?

Барон Карл Карлович Кистер в молодости служил в армии, затем, по окончании за границей университета, был назначен бухгалтером Ботанического сада в Петербурге. Человек энергичный, но злобный, завистливый и нечистый на руку, он всеми силами стремился в высшее общество. Вскоре случай представился. В Ботанический сад частенько ходила прогуливаться известная фаворитка министра императорского двора графа Адлерберга — Мина Ивановна Буркова. Когда она направлялась из сада домой, у выхода ее ждал услужливый Кистер с букетом цветов из сада. По его галантному уверению, они «ничего ему не стоили». Цветы были приняты благосклонно, и вскоре, неожиданно для всех, Кистер был назначен управляющим контрольным отделением императорского двора. Еще через некоторое время — директором императорских театров.

В актерских воспоминаниях никто не называет его, иначе, как «всесильный бюрократ». С подчиненными никогда не здоровался, но зорко следил за тем, чтобы ему кланялись в пояс. Ни один актер, включая и знаменитостей, ни разу не удостоился приема. Свою энергию и административную сметку Кистер направил на обеды различных машинаций. Вот откуда материалы, покупаемые втридорога. Примечательно, что Всеволожский, сменивший Кистера, даже не упоминает в записке о своем предшественнике.

Не следует думать, что все беды императорских театров шли от Кистера, — слишком запущена была вся система театрального дела. Царское правительство скупо субсидировало театр. Но была одна статья, на которую деньги отпускались с необыкновенной щедростью. Речь идет о системе секретного наблюдения.

Во всех театрах были расставлены посты. Постоянные места в партере и на ярусах каждый вечер занимали «господа агенты». В зал допускались «агенты интеллигентного вида и прилично одетые». Они знали в лицо виднейших революционных деятелей и особенно террористов. В Александринском театре, например, было четыре постоянных поста и 25 временных (при посещении царя). В Мариинском театре существовало 50 агентов, причем восемь из них были постоянными. На это тратили огромные средства. Где уж тут заботиться о квартирах для сторожей и складах декораций...

Докладная записка директора императорских театров — документ большой обличительной силы.